

Г.В. Акопов, Г.П. Дорошко

**Пространства категорий проблемы сознания
в российской психологии советского периода**
**Spaces of categories in the problem of consciousness:
Russian psychology of the soviet period**

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00816

В множестве научных текстов, непосредственно относящихся к проблематике сознания, состав лексических единиц (слов), определяющих проблему и её возможные решения может быть разделен на слова-термины, слова-понятия, слова-категории, а также метафорические обозначения проблемы и решений. В логике типологического подхода, первые (термины) рассматриваются как обозначающие объектное поле явлений «сознания». В этом ряду мы также рассматриваем метафорические слова и словосочетания, достаточно широко, либо устойчиво встречающиеся в описаниях проблемы. Построение терминологических, понятийных, категориальных словарей в современной Науке сознания в англоязычной и русскоязычной версиях, структурированных в соответствии с традиционной классификацией явлений сознания: процессы сознания (внимание, память и т.д.), состояния сознания, индивидуальные и личностные свойства, а также в логике, предложенной нами типологии проблем сознания, представляет актуальную задачу.

Ключевые слова:

Проблема сознания, научное знание, структура, языки сознания, термины, понятия, категории, пространства

In the set of scientific texts directly related to the problems of consciousness, the composition of lexical units (words) defining the problem and its possible solutions can be divided into words-terms, words-concepts, words-categories, and also metaphorical designations of the problem and solutions. In the logic of the typological approach, the first (terms) are considered as denoting the objective field of the phenomena of consciousness. In this series, we also consider metaphoric words and phrases that are fairly widespread, or problems that persist in descriptions. Construction of terminological, conceptual, categorical dictionaries in modern Science of Consciousness in the English and Russian versions, structured in accordance with the traditional classification of the phenomena of consciousness: processes of consciousness (attention, memory, etc.), states of consciousness, individual and personal characteristics, as well as in the logic, the proposed typology of problems of consciousness, is an actual task.

Key words:

The problem of consciousness, scientific knowledge, structure, languages of consciousness,

terms, concepts, categories, spaces

Современные представления о науке и системах научных знаний в различных сферах жизнедеятельности человека во многом отличаются от представлений недавнего прошлого. Существенные изменения в представлениях о научности связаны с развитием социогуманитарных наук, в том числе, психологии [17]. Главные изменения последних десятилетий обусловлены процессами современной глобализации [3] и их отражением во взглядах на человека во всей совокупности многообразных отношений. Обращаясь к одной из самых сложных и основополагающих проблем научного знания, затрагивающих также взаимосвязь естественных, социальных и гуманитарных наук, – проблеме сознания, не решенной как в прошлом, так и в настоящем времени, находим множество аспектов, определяющих как постановку проблемы, так её качественные решения [5]

В более широком, общепсихологическом плане Б.С. Братусь выделяет три типа психологических знаний, связанных с когнитивными ориентациями исследователя (философский, естественнонаучный и гуманитарный), определяющими «разные аспекты, углы рассмотрения, уровни психологической жизни» [10].

Продолжая линию «различных аспектов реальности», Т.В. Зеленкова полагает, что в каждом таком случае может использоваться соответствующий язык [18].

В этом контексте заметим, что производство и трансляция научных знаний как функция субъекта научной деятельности, являясь вполне сознательной, не тождественна функции *осознания* состояния научного знания (его системности, адекватности решаемым задачам и т.д.), т.е. функции субъекта научно-методологической деятельности (рефлексии), хотя и включаемой часто в первую из обозначенных функций.

Говоря о системе научных знаний, мы имеем в виду иерархическую взаимосвязь следующих основных научных конструкций:

- специальный язык (термины, понятия и категории), позволяющий сократить время и уменьшить усилия по приему, переработке и передаче научной информации;
- методы получения и оформления новой информации;
- научное описание (нарративное, аксиоматическое, количественное, качественное и др.) эмпирической фактологии;
- выявление (открытие) и подтверждение (доказательство) закономерностей и законов, устанавливающих определенные отношения и связи между отдельными фактами, их группами и системами;
- определение научных подходов, построение концепций и теорий, позволяющих вскрывать механизмы действия закономерностей и законов, обнаруживать новые факты, прогнозировать динамические явления и т.д.;

- конструирование научно-обоснованных технологий (различные практики), позволяющих вызывать целенаправленные изменения в объектах воздействия.

В связи с иерархичностью системы выстраивания научного знания особое значение приобретает работа над категориальным аппаратом. В отечественной психологии этой важной работе уделяли внимание такие авторы, как Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, Ю.М. Забродин, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн, М.Г. Ярошевский и др. В разные годы объем и содержание основных категорий менялись. Некоторые категории уходят на второй план (отражение, ассоциация и т.д.), другие оказываются более востребованными (личность, деятельность, общение).

В множестве научных текстов, непосредственно относящихся к проблематике сознания, состав лексических единиц (слов), определяющих проблему и её возможные решения может быть разделен на слова-термины, слова-понятия, слова-категории, а также метафорические обозначения проблемы и решений. В логике типологического подхода [5], первые (термины) рассматриваются как обозначающие объектное поле явлений сознания. В этом ряду мы также рассматриваем метафорические слова и словосочетания, достаточно широко, либо устойчиво встречающиеся в описаниях проблемы («поток», «светлое пятно», «просветление», «озарение» и др.). Статус понятия присваивается термину в связи с использованием в определенной отрасли знаний или научной дисциплине: философия, биология, психология, физиология, нейрология и др. Категории номинируются в привязке к определенной теории в рамках той или иной отрасли знаний. Так, к терминам, используемым в научных работах по проблеме сознания в англоязычной литературе можно отнести слова: «brain», «mind», «body», «mental», «awareness», «consciousness», также встречающиеся в других областях знаний, но только последнее из перечисленных («consciousness») можно отнести к основополагающему понятию Науки сознания, в которой сегодня существует большое количество различных концепций сознания. В ней же (Наука сознания) можно выделить «видовые» понятия: «sensory consciousness», «visual awareness», и т.д.; операциональные понятия: «soft-report», «subjective reports», «sens of self», «нейронные корреляты сознания» и др. К категориям, в нашей трактовке, следует отнести основополагающие для той или иной теории сознания понятия, как, например, «global workspace» (теория Б. Баарса), «inner presence» (теория А. Ревонсуо), «reflexive consciousness» (теория М. Велманса) и др. Категории «глобального» характера, в отличие от частно-теоретических, определяют те или иные методологические принципы, подходы в решениях проблемы сознания: «Physicalism», «Reductionism», «Eliminativism», «Representationalism», «Dualistic naturalism» и др.

Построение терминологических, понятийных, категориальных словарей в современной Науке сознания в англоязычной и русскоязычной версиях, структурированных в соответствии

с традиционной классификацией явлений сознания: процессы сознания (внимание, память и т.д.), состояния сознания, индивидуальные и личностные свойства, а также в логике, предложенной нами типологии проблем сознания, представляет актуальную задачу.

Построение соответствующих терминологических, понятийных и категориальных множеств, систематизированных по определённым характеристикам пространств того или иного типа, определит, на наш взгляд, глубину проработки проблемы, сознания и предлагаемых решений. Это могут быть строго «вложенные» друг в друга субпространства терминов – понятий – категорий, либо пересекающиеся в том или ином объеме рассматриваемых переменных, либо в той или иной степени изолированных. В качестве количественной меры близости (расстояние) пространств можно принять число совпадающих «элементов» [20, 21, 24, 26,].

Дифференцируя междисциплинарные и унитарные (предмет изучения остаётся сугубо в рамках психологии) исследования сознания, мы, тем не менее, можем объединить термины, понятия и категории в едином фиксированном пространстве. Конструируемый базис (основополагающие, т.е. необходимые и достаточные термины, понятия или категории) определяется в соответствии с типологическим статусом исследования по проблеме сознания [5].

С обозначенных позиций рассмотрим представления о сознании (в сопоставимом историко-психологическом времени) трех выдающихся учёных, в творчестве которых рассматриваемая проблема нашла определённое решение. В высказываниях У.Джеймса, акцентируется, главным образом процессуальный статус сознания («поток») в функциональной приспособительной связи внешней и внутренней активности человека. В методологической позиции прагматизма-функционализма, представленной в учении Джеймса, сознание трудно отнести к базовой категории. Вместе с тем, очевидно, что оно «превосходит» статус термина и используется как понятие, вызвавшее особый интерес Джеймса в контексте работ европейских психологов, в частности, В.Вундта. К сожалению, в последующий, длительный период развития американская психология была осознанно лишена не только понятия, но и самого термина «сознание».

В работах Вундта сознание как процесс, несомненно, наделено не только центральным (предмет психологии), но и концептуальным статусом (категория). Однако, в построении трехмерного пространства эмоциональных проявлений сознания, оно ближе к психическим состояниям, что ограничивает предмет исследования. Что касается самого сознания, то оно захватывает всё поле психологии как науки, впервые самостоятельно оформившейся благодаря Вундту. Вся психология, согласно Вундту, выстраивается в трехмерном пространстве: свойства сознания, структурные компоненты сознания, системы связей между

компонентами.

С точки зрения унитарности – междисциплинарности можно отметить последовательную философско-психологическую установку Джеймса и историко-культурную дополнительную масштабных исследований Вундта в категориальном пространстве сознания (психология народов).

В исследованиях выдающегося российско-советского исследователя В.М. Бехтерева, работавшего в широкой сфере проблем от нейропсихологии до социальной психологии, периоду строгого объективизма [6] предшествовала весьма важная, на наш взгляд, но, к сожалению, малоизвестная работа «Сознание и его границы» [8]. Критически анализируя дефиниции сознания в работах Лейбница, Спенсера и Вундта, автор, не претендуя на сущностную характеристику, определяет сознание как «субъективную окраску..., то есть внутреннее, непосредственно нами воспринимаемое состояние, которым сопровождаются многие из наших психических процессов» [там же]. Как отмечает автор, этим определением обеспечивается различный характер сознательных и неосознаваемых психических явлений (ощущение, восприятие, представление, стремление, желание, хотение и пр.) [там же]. По критерию сложности автор выделяет различные степени или уровни сознания, определяя их также как формы сознания. Значительная часть этого исследования Бехтерева связана с понятием «объем сознания». Существенно дополнив проведенные другими авторами, в том числе Вундтом, экспериментальные исследования по определению объема сознания, Бехтерев формулирует в качестве одного из выводов положение об обратной связи объема и ясности сознания, используя также метафору: «яркий светильник» [там же], что можно сопоставить с метафорой светлого пятна или прожектора сознания в работах И.П. Павлова и Б. Баарса [22, 27].

К сожалению, работа Бехтерева о сознании не нашла систематического продолжения в его многогранном творчестве и можно лишь предположительно устанавливать статус привлекавшихся им понятий (уровень, объем, «сила впечатления» и др.) с точки зрения возможности построения базисного или иных терминологических, понятийных и категориальных пространств сознания.

Отдельный интерес могут представлять также метафорические пространства сознания, аналоги которых представлены в работе В.П. Зинченко [19]. Стремительное развитие естественных наук и соответствующие технологические достижения конца XIX – начала XX вв. существенно укрепили и расширили позиции технократизма и, в частности, объективизма в социогуманитарных науках, включая психологию [5]. Наступление бихевиоризма, вытеснившего сознание из научных исследований в американской психологии, и рефлексизма (теория высшей нервной деятельности) – в советской психологии существенно ограничили

возможности развития психологии сознания до конца 50-х годов XX века. В то же время, в пределах идеологизированного исторического и диалектического материализма, развивались релевантные представления о сознании как важной составляющей: в интегрированной области научных психологических знаний (человековедение, Б.Г. Ананьев), в философско-психологической концепции «Бытие и Сознание», «Человек и мир» (С.Л. Рубинштейн), в культурно-исторической психологии (Л.С. Выготский) и др. При этом, если в психологических системах Ананьева и Рубинштейна категория сознания равностатусна с категориями: индивид, субъект, личность, индивидуальность; деятельность, общение, созерцание, отношение и др., то в системе Выготского она провозглашается центральной категорией [14, с. 233-248]. В психологической системе Выготского в качестве понятийных «единиц» оформления пространства сознания служат понятия: знак, значение, смысл; внутренняя – внешняя речь; общение и обобщение; аффект и интеллект и др.

Завершающий этап развития советской психологии был представлен множеством категориальных платформ, более или менее полно пространственно оформленных не только в базисной части, но и в совокупности объемлющих терминологических и понятийных пространств. В этом плане весьма полно и убедительно выстроено пространство сознания на основе информационных терминов, понятий и категорий [16]. Этот, более свободный период развития советской психологии, в области психологии сознания был представлен основополагающими работами С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюка, В.Н. Мясищева, К.К. Платонова и др. Причём, базовая триада Леонтьева (деятельность, сознание, личность) стала основой объемлющего пространства для вложенных в него субпространств сознания со ставшей классической структурой: бытийный (чувственная ткань образа, биодинамическая ткань живого движения) и рефлексивный (значение, смысл) слои сознания. Впоследствии Зинченко дополнил структуру ещё одной – духовной образующей сознания, оформив, таким образом, трехмерное пространство сознания [19].

Отталкиваясь от идеи Леонтьева и анализируя исходное понятие в структуре сознания («чувственная ткань образа»), Василюк подчеркивает, что она:

- порождается в практическом взаимодействии с внешним предметным миром как непосредственное впечатление от него;
- служит материалом, из которого строятся сознательные, предметные («значимые») образы;
- выполняет функцию свидетельства о внешней реальности, функцию «придания реальности сознательной картине мира» [12].

Используя метод контрпримера, Василюк заключает, что «существующее понятие чувственной ткани фиксирует только часть, только аспект той реальности, которая в целом

заслуживает имени "чувственная ткань"» [12]. Василюк, как и Зинченко, дополняет формулу Леонтьева четвертым компонентом – словом (знаком), а также предметным содержанием образа сознания. Что касается чувственной ткани, то она составляет **основу** каждого из четырех компонентов. Полученную структуру Василюк называет «психосемантическим тетраэдром», формой, представляющей «модель образа сознания». В этой модели представлены: внешний мир в его отражении предметным содержанием сознания; внутренний мир человека – личностным смыслом; мир культуры – значением; мир языка – словом.

Форма модели (тетраэдр) показывает связь каждой образующей со всеми другими; внутренность тетраэдра заполнена «живой, текучей, дышащей плазмой чувственной тканью». Василюк определяет чувственную ткань по способу ее существования в сознании как «переживание, непосредственное внутри-телесное чувствование <...> чувственная ткань выступает как единица тела в образе сознания» [11]. В концепции Василюка чувственная ткань обретает статус пятой образующей сознания, причем особой, не рядоположной четырем другим направляющим сознания: значению, предмету, личностному смыслу, знаку (слову), которые являются представителями в сознании мира культуры, внешнего мира, внутреннего мира личности и мира языка. Доминированием одной из «направляющих» создается особый тип образа сознания и, соответственно, личности.

Характеризуя чувственную ткань, Василюк отмечает, что «она является чем-то единым и в то же время вовсе не гомогенным... сгущаясь вблизи полюсов ("направляющих") тетраэдра и получая здесь сильные, специфические для каждого полюса характеристики... Вдали же от зон сгущения легко предположить наличие интерференции чувственных тканей, идущих от разных полюсов... именно эта зона выполняет функцию синестезии...» [12], мы бы сказали – созерцание [4]. В концепции Василюка ассоциативно обнаруживается связь со специфическим учением монизма Бехтерева, усматривавшего неразрывную связь проявлений живой материи и сознания [9].

Структурный подход Василюка, вызревший в практике психологической работы и проверенный психологической же практикой, позволил автору определить пятимерное пространство сознания, а также психологические (не психиатрические) критерии нарушения сознания.

В прикладном и практическом отношениях представляется весьма важным также предложенный Н.Н. Чуприковой операциональный подход построения пространства сознания человека по следующим «номинациям»:

- выделяет себя из окружающего мира;
- отделяет себя, свое Я от внешних предметов;
- отделяет свойства вещей от самих вещей;

- способен увидеть себя находящимся в определенном месте физического пространства и времени;
- способен увидеть себя находящимся в определенной системе отношений с людьми;
- способен устанавливать адекватные причинно-следственные отношения явлений внешнего мира;
- способен устанавливать адекватные причинно-следственные отношения между своими действиями и явлениями внешнего мира;
- отдает отчет в своих ощущениях, мыслях, переживаниях, желаниях;
- знает особенности своей личности и индивидуальности;
- способен планировать свои действия, предвидеть их результаты и оценивать последствия [25].

В теоретическом оформлении терминов, понятий и категорий по проблеме сознания весьма перспективной представляется система, впервые предложенная А.В. Петровским [23]. В этой системе сознание трактуется как «целостный образ действительности..., реализующий мотивы и отношения субъектов и включающий в себя его самопереживание, наряду с переживанием внеположности мира, в котором существует субъект». В качестве логического ядра определения категории «со-знание» Петровский полагает такую «базисную категорию», как «образ», а оформляющими категориями – «действие», «мотив», «взаимоотношения», «переживание», «субъект» [там же, с. 281]. В системе Петровского представлен также новый опыт построения категориальной системы всей психологии. Ей предшествовали достаточно полные категориальные системы М.Г. Ярошевского, К.К. Платонова и Б.Ф. Ломова (методологический план). Новый опыт А.В. Петровского осуществлен в рамках проекта «теоретическая психология». В этой категориальной системе сознание отнесено к метапсихологической категории в «кластере когнитивности», который включает в порядке восхождения следующие категории: Сигнал – Ощущение – Образ – Сознание – Разум. В системе А.В. Петровского спектр метапсихологических категорий включает: Я – Ценность – Деятельность – Сознание – Чувство – Общение – Предметность [там же, с. 286]. Проследив путь восхождения от Сигнала к Миропостижению, автор фиксирует освобождение картины мира от «гнета сиюминутных нужд, диктата потребностей, пристрастности мотивов, наводки ценностей человека». В цепочке: Сигнал – Ощущение – Образ – Сознание – Разум автор усматривает «ступени продвижения к истине («ясному и отчетливому», «подлинному», «аутентичному», «всеобщему» или, наоборот, «уникальному» знанию)» [там же, с. 292].

Современный период в постановке и решениях проблемы сознания как в зарубежной [1], так и в российской психологии представлен в публикациях автора [5, 7]. В этих работах констатируется:

- целостное описание сознания как многомерного явления в многообразии и взаимодополнительности исследовательских подходов и соответствующих концептуальных построений;

- основание и структура типологизации различных постановок проблемы сознания и программ ее решения в диахронии и синхронии;

В дальнейшей работе планируется:

- дифференцированное использование языковых конструктов: термин, понятие, категория в атрибуции статуса концептуальности типологически определенным направлениям исследований сознания в англоязычном и русскоязычном контекстах;

- оформление различных категориальных пространств в постановках проблемы сознания и ее возможных решений в англоязычном и русскоязычном контекстах;

- соотношение естественно-научных и социогуманитарных, унитарных и междисциплинарных, ценностных и утилитарных подходов как фиксированных типов постановки и решения проблемы сознания в англоязычном и русскоязычном контекстах в различные периоды исследований проблемы сознания;

Литература

1. Акопов, Г.В. Проблема сознания в зарубежной психологии: последняя четверть XX века / Г.В. Акопов // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион. 2003». Самара, 2003. С. 36–50.

2. Акопов, Г.В. Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований / Г.В. Акопов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

3. Акопов, Г.В. Сознание человека в глобализирующемся обществе / Г.В. Акопов // Материалы двадцатых Страховских чтений. Труды психологической лаборатории: Сборник научных трудов. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. С. 41-46.

4. Акопов, Г.В. Созерцание в категориальной системе современной психологии: теоретические и прикладные аспекты / Г.В. Акопов / Под.ред. член-корреспондента РАН, д.псх.н., профессора В.Ф. Петренко. Самара: Изд-во ВЕК#20, 2014.

5. Акопов, Г.В. Типология проблем в новом познании сознания / Г.В. Акопов // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016. №2 (86). Апрель – июнь. С. 178-191.

6. Акопов, Г.В. Направления и формы интеграции психологических знаний в контексте развития науки // Интегративный подход к познанию психологии человека: В.Н. Панферов, В.В. Знаков, Е.Ю. Коржова и др. / Под научной редакцией Е.Ю. Коржовой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. С. 87-107.

7. Акопов, Г.В. Многомерность как фактор поликонцептуальности сознания versus системная целостность сознания / Г.В. Акопов // Мир психологии. 2018. № 2 (94). С. 21-29.

8. Бехтерев, В.М. Сознание и его границы / В.М. Бехтерев. Казань: типография Императорского университета, 1888.

9. Бехтерев, В.М. Избранные труды по психологии личности / В.М. Бехтерев / В 2-х тт. СПб., 1999.

10. Братусь, Б.С. Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии: преимущество или скачок? / Б.С. Братусь // Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Гуманитарные проблемы современной психологии». Таганрог: Изд-во ТРТУ. 2005. №7 (51). С. 3–10.

11. Василюк, Ф.Е. Уровни построения переживания и методы психологической науки / В.Ф. Василюк // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 27–37.
12. Василюк, Ф.Е. Структура образа / В.Ф. Василюк // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.
13. Вундт В. Сознание и внимание / В. Вундт // Хрестоматия по вниманию / Под ред. А.Н. Леонтьева, А.А. Пузыря и В.Я. Романова. М., 1976. С. 8–24.
14. Выготский, Л.С. Сознание как проблема психологии поведения / Л.С. Выготский // Психология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
15. Джеймс В. Психология / В. Джеймс. СПб., 1896.
16. Дубровский, Д.И. Психика и мозг. Результаты и перспективы исследований Д.И. Дубровский // Мозг и разум / Отв. ред. Д.И. Дубровский. М., 1994. С. 3–19.
17. Журавлёв А.Л., Юревич А.В. (ред.) Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
18. Зеленкова, Т.В. О сетевой парадигме в психологии / Т.В. Зеленкина // Методология и история психологии. 2007. Т.2. Вып.3. С. 18–28.
19. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт / В.П. Зинченко. М.: Изд-во «Языки славянских культур», 2010.
20. Мальцев, А.И. Математический сборник / А.И. Мальцев. 1939. Т.6. С. 331-336.
21. Мальцев, А.И. Математический сборник / А.И. Мальцев. 1940. Т.8. С. 251-264.
22. Павлов, И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных / И.П. Павлов. М.: Издательство: Наука, 1973.
23. Петровский, А.В. Психология в России: XX век / А.В. Петровский. М., 2000.
24. Цаленко, М.Ш., Шульгейфер, Е.Г. Основы теории категорий / М.Ш. Цаленко, Е.Г. Шульгейфер. М., 1974.
25. Чуприкова, Н.И. Мозг, психика, сознание / Н.И. Чуприкова // Мир психологии. Научно-методический журнал. 1999. № 1 (17). С. 84–97.
26. Шевелёв, Ю.П. Дискретная математика / Ю.П. Шевелёв / Учебное пособие. СПб.: Издательство «Лань», 2008.
27. Baars, B.J. (1997), In the Theater of Consciousness: The Workspace of the Mind (NY: Oxford UP).